

黑龙江大学专业俄语系列教材

俄 语

高 级 教 程

上 册

黑龙江大学俄语系编

黑龙江教育出版社

黑龙江大学俄语系列教材

俄 语
高 级 教 程
上 册

黑龙江大学俄语系编

黑龙江教育出版社

1993 年哈尔滨

(黑)新登字第 5 号

主编 阎家业

编者 邓军

Г. Х. Гиразетдинова

Л. С. Лапшина

俄语高级教程(上)

阎家业 主编

责任编辑:李亚晨

封面设计:张秉钧

黑龙江教育出版(哈尔滨道里区九站街 1 号)

印刷厂印刷·黑龙江省新华书店发行

开本 850×1168 毫米 1/32·印张·6.5 字数 150 千

193 年 7 月第 1 版·1993 年 7 月第 1 次印刷

印数:1—2000

ISBN7—5316—1756—01G·1326 定价:5.40 元

Предисловие

Седьмая часть учебника адресована студентам 4 курса, обучающимся на факультетах русского языка.

Данная книга состоит из четырёх тем:

1. Учитель, семья и школа.
2. Радость жизни—в человеческом общении.
3. Природа и человек.
4. Искусство служит народу.

Каждая тема включает два основных текста, предназначенных для аналитического чтения, и дополнительные тексты— для ознакомительного чтения. Авторами отобраны тексты различных стилей и жанров из произведений современной русской и китайской художественной литературы, драматургии и публицистики.

Тексты снабжены комментариями, в которых разъясняются непонятные или недостаточно понятные слова и выражения, особенно их контекстуальный смысл, а также требующие специального пояснения грамматические конструкции, фразеологические обороты.

К каждому тексту составлены задания, включающие лексические, грамматические, синтаксические и

стилистические упражнения. Особое внимание уделено заданиям по развитию устной речи; включены вопросы и даны темы для проведения бесед и дискуссий, монологических высказываний. Кроме того, предлагаются темы для письменной речи.

Учебник может быть использован для аспирантов и студентов неязыковых вузов, изучающих русский язык как иностранный.

Оглавление

Тема I	
Учитель, семья, школа	1
Текст 1	
Самый счастливый день	1
Текст 2	
Уроки французского	26
Текст 3	
Вся моя жизнь	50
Тема II	
Радость жизни—в человеческом общении	60
Текст 1	
Рудольфио	60
Текст 2	
Обмен	94
Текст 3	
В субботу, в воскресенье и каждый день	109

Тема III

Природа и человек 114

Текст 1

Цивилизация и пейзаж 114

Текст 2

Царь-рыба. Капля 130

Текст 3

Тревожные факты 142

Текст 4

Экология культуры 150

Тема IV

Искусство служит народу 154

Текст 1

Людвиг ван Бетховен 154

Текст 2

Владимир Высоцкий 173

Текст 3

Чарли Чаплин 191

Тема I

Учитель, семья и школа

Текст 1

Самый счастливый день

Виктория Токарева

Нам задали классное сочинение на тему «Самый счастливый день в моей жизни».

Я раскрыла тетрадь и стала думать—какой у меня был в жизни самый счастливый день? Я выбрала воскресенье—четыре месяца назад, когда мы с папой утром пошли в кино, а после атого сразу поехали к бабушке. Получилось двойное развлечение. Но наша учительница Марья Ефремовна говорит: человек бывает по-настоящему счастлив только в том случае, когда приносит людям пользу. А какая польза людям от того, что я была в кино, а потом поехала к бабушке? Я могла бы не учитывать мнения Марьи Ефремовны, но мне надо исправить оценку в четверти. Я могла бы иметь и тройку в четверти, но тогда меня не переведут в девятый класс. Марья Ефремовна предупредила, что сейчас в стране переизбыток интеллигенции и дефицит в рабочем классе, так

что из нас будут создавать фонд квалифицированной рабочей силы.

Я заглянула в тетрадь своей соседки Ленки Коноваловой. Ленка строчила с невероятной скоростью и страстью. Её самый счастливый день был тот, когда её принимали в пионеры.

Я стала вспоминать, как нас принимали в пионеры в музее погранвойск и мне не хватило пионерского значка. Шефы и вожатые забегали, но значка так и не нашли. Я сказала: «Да ладно, ничего...». Однако настроение у меня испортилось, и я потом была невнимательна. Нас повели по музею и стали рассказывать его историю, но я ничего не запомнила.

Я перегнулась вправо и заглянула в тетрадь Машки Гвоздевой. Она сидит впереди меня. Я там ничего не разобрала. Но Машка наверняка пишет, что самый счастливый день был тот, когда в кабинете взорвался испорченный синхрофазотрон и им дали новый. Эта Машка просто помешана на схемах и формулах. У неё выдающиеся математические способности, и она уже знает, куда будет поступать. У неё есть смысл жизни. А у меня единственное, что есть, это большой словарный запас и я легко им апеллирую. Поэтому мне в музыкальной школе поручают доклады о жизни и творчестве композиторов. Доклад пишет учитель по музыке, а

я его зачитываю по бумажке. Например: «Бетховен-плебей, но всё, чего он достиг в жизни, он достиг своим трудом...». И ещё я объявляю на концертах, например: «Сонатина Клементи, играет Катя Шубина, класс педагога Россоловского». И это звучит убедительно, потому что у меня рост, цвет лица и фирменные вещи. Цвет лица и фирма мне перешли от мамы, а рост непонятно откуда. Я где-то читала, что в современных панельно-блочных домах, не пропускающих воздух, созданы условия, близкие к парниковым, и поэтому дети растут, как парниковые огурцы.

Машка Гвоздева безусловно попадёт в интеллигенцию, потому что от её мозгов гораздо больше пользы, чем от её рук. А у меня ни рук, ни мозгов—один словарный запас. Это даже не литературные способности, просто я много знаю слов, потому что много читаю. Это у меня от папы. Но знать много слов совершенно не обязательно. Мальчишки в нашем классе вполне обходятся шестью словами: тоняк, нормалёк, спокуха, не кисло, резко, структура момента. А Ленка Коновалова любую беседу поддерживает двумя предложениями: «Ну да, в общем-то...» и «Ну, в общем-то, конечно...». И этого оказывается вполне достаточно: во-первых, она даёт возможность говорить собеседнику, а это всегда приятно; во-вторых, поддерживает его сомнения. «Ну

да, в общем-то... », «Ну, в общем-то, конечно».

Неделю назад я слышала по радио передачу о счастье. Там сказали: счастье—это когда чего-то очень хочешь и добиваешься. Правда, потом, когда добьёшься, счастье кончается, потому что счастье—это дорога к осуществлению, а не само осуществление.

А чего я очень хочу? Я очень хочу перейти и познакомиться с артистом В. В. Мама говорит, что в моём возрасте свойственно влюбляться в артистов. Двадцать лет назад она тоже была влюблена в одного артиста до потери пульса, и весь их класс сходил с ума. А сейчас этот артист разжирел, и просто диву даёшься — что время делает с людьми.

Но мама меня не понимает, я вовсе не влюблена в В. В. Просто он играет д'Артаньяна, и так он замечательно играет, что кажется, будто В. В. — это и есть сам д'Артаньян, талантливый, неожиданный, романтический. Не то что наши малышишки: «точняк», «нормалёк» и ниже меня на два сантиметра.

Однажды мы с Ритой дождались В. В. после спектакля, отправились за ним следом, сели в один вагон метро и стали его разглядывать. А когда он смотрел в нашу сторону, мы тут же отводили глаза и фыркали. Рита через знакомых выяснила: В. В. женат и у него есть маленький сын. Хорошо,

что сын, а не дочка, потому что девочек любят больше, а на мальчишек тратится меньше нежности, и, значит, часть души остаётся свободной для новой любви.

Ленка Коновалова перевернула страницу—исписала уже половину тетради. А я всё сижу и шарю в памяти свой самый счастливый день.

Вообще, если честно, мои самые счастливые дни—это когда я возвращаюсь из школы и никого нет дома. Я люблю свою маму. Она на меня не давит, не заставляет заниматься музыкой и есть с хлебом. При ней я могу делать то же самое, что и без неё. Но всё-таки это не то. Она, например, ужасно неаккуратно ставит иглу на пластинку, и через динамики раздаётся оглушительный треск, и мне кажется, что иголка царапает моё сердце. Я спрашиваю: «Нормально ставить ты не можешь?» Она отвечает: «Я нормально ставлю». И так каждый раз.

Когда её нет дома, в дверях записка: «Ключи под ковриком. Еда на плите. Буду в шесть. Ты дура. Целую, мама».

Я читала в газете, что Москва занимает последнее место в мире по проценту преступности. То есть Москва—самая спокойная столица в мире. И это правда. Я убедилась на собственном опыте. Если бы самый плохонький воришка-дилетант и даже просто любопытный, с дурными

наклонностями человек прошёл по нашей лестнице и прочитал мамину записку, то получил бы точную инструкцию: ключи под ковриком—открывай дверь и заходи, еда на плите—разогревай и обедай, а хозяева явятся в шесть. Так что можно не торопиться и даже отдохнуть в кресле с газетой, а около шести уйти, прихватив папины джинсы, кожаный пиджак и мамину дублёнку.

Мама говорит: когда человек боится, что его обворуют, его обязательно обворуют. В жизни всегда случается именно то, чего человек боится. Поэтому никогда не надо бояться. И это точно. Если я боюсь, что меня спросят, меня обязательно спрашивают.

Когда я выхожу из лифта и вижу записку, я радуюсь возможности жить как хочу и ни к кому не приспособливаться. Я захожу в дом. Ничего не разогреваю, а ем прямо со сковороды, руками и в шубе. И стоя. Холодное гораздо вкуснее. Горячее отбивает вкус.

Потом я включаю проигрыватель на полную мощность и зову в гости Ленку Коновалову. Мы с ней вырываем из шкафа все мамини платья, начинаем мерить их и танцуем в длинных платьях, а ансамбль «Синяя птица» надывается: «Не обижайся на меня, не обижа-а-а-йся, и не жалей, и не зови, не достучишься до любви». А в окно хлещет солнце.

Потом Ленка уходит. Я сажусь в кресло, закутываюсь в плед и читаю две книги: рассказы Хулио Кортасара и пьесы Александра Вампилова. У Вампилова мне очень нравится: «Папа, к нам пришёл гость и ещё один». А папа отвечает: «Васенька, гость и ещё один—это два гостя...». Я читаю и вижу перед глазами В. В. —и мне бывает грустно, что всё-таки он жннат и у нас большая разница в возрасте.

А у Кортасара в рассказе «Конец игры» есть слова «невыразимо прекрасно». Они так действуют на меня, что я поднимаю глаза и думаю. Иногда мне кажется, что жить невыразимо прекрасно. А иногда мне становится всё неинтересно, и я спрашиваю у мамы:

—А зачем люди живут?

Она говорит:

—Для страданий. Страдания—это норма.

А папа говорит:

—Это норма для дураков. Человек создан для счастья.

Мама говорит:

—Ты забыл добавить—как птица для полёта. И ещё можешь сказать—жалость унижает человека.

Папа говорит:

—Конечно, унижает, потому что на жалость рассчитывают только дураки и дуры. Умные рассчитывают на себя.

А мама говорит, что жалость— это сострадание, соучастие в страдании, и на нём держится мир, и это тоже талант, который доступен не многим даже умным.

Но спорят они редко, потому что редко видятся. Когда папа вечерами дома—мамы нет. И наоборот. Если мамы нет— папа читает газеты и смотрит по телевизору хоккей. (У нас была няня, которая не выговаривала «хоккей» и произносила «фокея»). Посмотрев «фокею», прочитав газеты, папа требует мой дневник и начинает орать на меня так, будто я глухая или нахожусь в соседней квартире, а он хочет, чтобы я услышала через стенку. Когда папа кричит, я почему-то не боюсь, а просто хуже понимаю. Мне хочется попросить: «Не кричи, пожалуйста, говори спокойно». Но я молчу и только моргаю.

Иногда мама приходит довольно поздно, однако раньше отца. Она видит, что его дублёнки нет на вешалке, ужасно радуется.

А когда у мамы библиотечные дни и она целый день дома, готовит еду на несколько дней, а отца нет до позднего вечера—вот тут-то она появляется у меня в комнате, не учитывая, что мне надо спать, а не разговаривать, и начинает из меня варить воду. Она говорит:

—По-моему, он от нас ушёл.

Я говорю:

—А как же кожаный пиджак и джинсы? Без них он не уйдёт.

—Но он может прийти за ними позже.

—Глупости,—говорю я.—От меня он никуда не денется.

Однако я пугаюсь и у меня начинает гудеть под ложечкой и щипать в носу. Я не представляю своей жизни без отца. Я скачусь на одних тройки и двойки. Я вообще брошу школу и разложусь на элементы. Я получаю хорошие оценки исключительно ради отца, чтобы ему было приятно. А мне самой хватило бы и троек. И маме тоже хватило бы. Она рассуждает так: «Три—это удовлетворительно. Значит, государство удовлетворено».

—Я с ним разведусь,—говори мама.

—Причина?

—Он мне не помогает. Я сама зарабатываю деньги. Сама стою в очередях и сама таскаю кошелёчки.

—А раньше было по-другому?

—Нет. Так было всегда.

—Тогда почему ты не развелась с ним раньше, десять лет назад?

—Я хотела обеспечить тебе детство.

—Значит, когда я была маленькая и ничего не понимала—ты обеспечивала мне детство. А сейчас, когда я

выросла, ты хочешь лишить меня близкого человека. Это предательство с твоей стороны.

—Ну и пусть.

—Нет не пусть. Тогда я тоже не буду с тобой считаться.

—У тебя впереди вся жизнь. А мне тоже хочется счастья.

Я не понимаю, как можно в тридцать пять лет, имея ребёнка, хотеть какого-то ещё счастья для себя. Но сказать так нетактично. И я говорю:

—А где ты видела счастливых на все сто процентов? Вон тётя Нина моложе тебя на пять лет, худее на десять килограмм, однако без мужа живёт и ездит каждый день на работу на двух видах транспорта, полтора часа в один конец. И занимается каким-то химическим машиностроением. А ты—работаешь через дорогу, любишь свою работу, все тебя уважают. Занимаешь своё место в жизни. Вот уже пятьдесят процентов. Я удачный ребёнок. Здоровый и развитый. Ещё сорок пять процентов. Ничем не болеешь—процент. Вот тебе уже девяносто шесть процентов счастья. Остаётся четыре процента. Но где ты видела счастливых на сто процентов? Назови хоть кого-нибудь.

Мама молчит, раздумывает—кого назвать. И в самом деле—никто не счастлив на сто процентов. В каждой избушке